

ПЯТЬ РАЗ Уильям Сароян бывал в нашей стране. Последнее его путешествие длилось месяц: Рига и Ленинград, Москва и Ереван, дороги Армении и морские прогулки в Одессе... Когда-нибудь я подробно напишу об этом. Сейчас же расскажу одну историю, которую Сароян, любивший нашу страну, вспоминал с улыбкой. Расскажу, называя всех действующих лиц подлинными именами.

САРОЯН давно мечтал побывать в Зангезуре. «Только и слышишь, что патриархальная Армения осталась в Зангезуре», — говорил он, — непременно надо поехать». И мы поехали. В машине нас было четверо: Уильям Сароян, Соро Ханзадян, Ваагн Давтян и я. Ехали через районы Араратской долины поздней осенью. То справа, то слева, то спереди показывался двуглавый Арарат. Порой величественная гора так близко вырастала перед нами, что казалось, ты взбираешься на нее. Собственно, так оно и есть. Мы ехали на высоте примерно тысяча метров над уровнем моря. А вершина горы — чуть больше пяти тысяч метров. Словом, мы ехали по склону горы. Сароян разговаривал очень громко и хохотал.

Поднимаясь по Советашенскому перевалу, Сароян повернулся ко мне и спросил: — Когда и где мы остановимся?

— В Ехегнадзоре, — ответил я и протянул карту республики.

Карта очень обрадовала Сарояна. Он отметил вслух, что любая поездка с картой получается какой-то осознанной, а потому и приятной. Потом он стал по слогам выговаривать: «Е-хег-над-зор».

— Там мы и перекусим, — сказал Ваагн Давтян. — Кстати, там нас встретит Мартун. Он зять Соро Ханзадяна.

— Зять — это хорошо, — вставил Сароян, — моя дочь этого не хочет понять. А то бы давно вышла замуж. Вот и нет у меня до сих пор зятя. Это хорошо, что мы будем гостем у зятя самого Соро. А как там с нашей проблемой?

Последний вопрос был задан мне. Никто из присутствующих, кроме меня, не знал сути и смысла этого вопроса. Еще в Риге (или Ленинграде) американский писатель признался, что у него накопилось очень много вопросов, и часть из них всемирного масштаба. А вот проблема — одна. Слово «проблема» он всегда произносил по-английски. Произносил и хохотал. Речь шла о чае... Сароян, ничуть не желая обидеть хозяев, с удивлением сказал, что у нас в стране проблема попить чайку. Проблема именно в том, что человек не может выпить стакан чаю тогда, когда ему этого хочется. Не то в Риге, не то в Ленинграде я довольно лихо решил эту проблему: купил огромный ярко разрисованный термос и назвал его «Нет проблем». Причем эти два слова я всегда произносил тоже на английский лад. Сейчас, по дороге в Зангезур, я, к сожалению, не взял с собой термос. Собственно, мне и в голову не приходило, что он понадобится. Как-никак мы дома. И я ответил на его вопрос традиционным: «Ну проблем». Сароян широко улыбнулся. Он хотел чаю. И верил, что чай будет.

Нас встретили руководители района. У самой дороги стояла небольшая группа людей. Приветствовали друг друга. Говорили по принципу: каждый уверен, что слушают только его. Рядом, совсем рядом текла река. Сароян обратился к ней внимание и спросил:

— Как река называется?

— Арпа.

— Та самая...

— Та самая, которую ждет Севан.

— Я должен ополоснуть лицо этой водой.

Идея понравилась всем. И гурьбой направились к Арпе. По дороге, увидев момент, я спросил Мартина Айрапетяна: «Как там с чаем?» Он улыбнулся, провел рукой по своим плечам. Весь его вид говорил только об одном: мол, можешь не волноваться, все будет в порядке. Не преминул перечислить блюда предстоящего меню. Я был голоден и от одних только названий почувствовал волчий аппетит. «И все-таки главное для старика чай», — сказал я, — ты там распорядись». Он опять улыбнулся и громко добавил к списку меню: «Будет тебе хоть целая бочка чаю». Я хотел было вставить: мол, бочки не нужно. Хотя бы стакан. Но промолчал. Неловко как-то мне стало. Вдруг и в самом деле все здесь у людей учтено до мелочей, а я тут лезу назойливо со своим предложением.

В какой-то момент мы оказались с Сарояном рядом, и я громко сказал: «Ну проблем». Могучий сарояновский хохот заглушил шум Арпы. Смех был заразительным. И засмеялись все.

СТОЛ БЫЛ действительно как на картинке. Более двух часов довольно изнурительной дороги сделали свое дело: ужасно хотелось есть. Но я все-таки напомнил хозяину, что для полноты наторморта нужен стакан крепко заваренного чаю. В ответ опять получил чарующую улыбку хозяйки. Она, по-видимому, означала: «Врхч линек!» («Ваше здоровье!») и... да будет тебе и чай тоже.

Гости расхваливали неповторимую речную рыбу. Форель. Речная форель раз-мерами куда меньше, чем севанская. Но вкуснее. Правда, это, наверное, именно тот самый случай, когда можно сказать: «О вкусах спорят». Ибо армяне всегда спорят, когда речь идет о вкусовых качествах севанской и речной форели. Спорили и за нашим, ехегнадзорским столом. Молчал лишь Сароян. Несколько раз я ловил его вопросительный взгляд. По опыту знал: старик хочет чаю. Я тихо сказал: «Ну проблем». Но он уже не смеялся. Он уже перестал есть. А блюда все носили и носили. Я довольно раздраженно и громко справился о чае. И тотчас же извинился за свой тон. Но чай еще не было. Наконец не выдержал и вышел из-за стола. Вошел в святая святых всех ресторанов — на кухню. И мне стало плохо. На огромной плите стоял огромный чайник. Судя по росинкам-бусинкам на крышке — вода в нем была еще холодная. Я прикинул: чайник закипит через час, а то и два. А мы хоть и вольные птицы, путешественники, но все же находимся во власти графика. Уже через час должны быть в Джермуке. Там нас ждут. Предупреждены. Неудобно опаздывать. Поварам я предложил, если можно, вылить почти всю

Я уже не помню, что был за сюрприз. Кажется, огромные, как футбольные мячи, шары кюфты. Не помню. Помню лишь, что чай появился где-то к полуночи. Появился после того, как раздосадованный и порядком намаявшийся Сароян уже вышел из-за стола и отправился спать.

ПО ГРАФИКУ на следующее утро мы должны были продолжить маршрут в сторону Гориса. В сердце Зангезура, Джермукские отцы города знали о нашем расписании и потому рано утром пригласили на завтрак. Прощальный завтрак. Я почему-то был уверен, что после вчерашней оплошности непременно, как только сядем за стол, подадут чай. Уже пошли прощальные тосты в честь высокого гостя и сопровождающих его лиц, но чай еще не было. Напряжение нарастало. Нужно уходить. Плохо было не только пожелтевшему от «бесчаевой» диеты Сарояну. В конце концов все мы дети одного века. А наш век каждый по утрам пьет наспех стакан чаю, заедая его то крохотным бутербродом, то ложкой-другой творога со сметаной. И больше ничего. И так до обеда. В конце концов не только знаменитому писателю из Америки, но и знаменитому писателю из Советской Армении

взад-вперед людей. Не успели остановить, как, словно из-под земли, выросла перед нами дюжина добрых молодцев. У каждого доброго молодца в руках было по дюжине длинных шампуров с готовым уже шашлыком. Откуда-то из тумана, словно на фотобумаге, проявился еще один дюжий молодец. У этого в руках был бочонок и граненый стакан. Сароян засиял. Он все еще не выходил из машины, опустил стекло дверцы и с жадностью посмотрел на бочонок. Потом перевел взгляд на меня и спросил: «Цистерна?» Я улыбнулся. Ваагн Давтян сказал: «Настоящая цистерна». Добрый молодец тем временем ловко наполнил граненый стакан жидкостью соломенного цвета. Поднес его Сарояну. Я заметил, как на поверхности соломенной жидкости по кругу расположились крохотные бусинки. Нет сомнения — тутовая водка. Крепость от шестидесяти пяти до семидесяти трех градусов.

Сароян отвел руку доброго молодца, отвернул лицо от пахучих шашлыков, которые вертелись у самого носа. Он жадно посмотрел на меня: где же твоя цистерна? Цистерны, как выяснилось, не было. Не было и крохотного чайника или термоса. Чай, как нам сказали, будет вечером дома, где накрыт праздничный стол для дорогих гостей. А пока — пир прямо на дороге. Пока нужно устроиться здесь же, рядышком, в домике, специально построенном для дорогих гостей. Вид у дома современный. Даже романтический. На берегу озера. Только вот в домике холодно: собачий и ни капли горячей воды. Узнав все это, Сароян решительно направился к машине.

Тщетно я пытался уговорить старика. Я говорил, что так неудобно — его ждут люди. В Горисе, в Татеве. Напомнил, что неловко и перед Соро Ханзадяном. Как-никак его родина. Но старик был неумолим. Он только, не глядя мне в глаза, процедил сквозь свои белые легендарные усы: «Соро меня простит. Я как-нибудь извинюсь перед ним. А сейчас — ехать!» Теперь уже мы с Ваагном Давтяном думали не о Сарояне, а о Ханзадяне. Действительно, неловко все вышло. Но, с другой стороны, и я, и Давтян, который знал Сарояна больше моего, хорошо понимали, что вопрос уже решен. Не раз бывало, когда Сароян, как говорится, выкидывал подобные фокусы. Он мог в разгар вечера, застолья встать и уйти. Не нравится, скажем, как подолгу болтают за столом, и уходит прочь. А бывало, уходил только потому, что кто-то из гостей ему не нравился. Как-то он выставил из машины назойливого путника. Я пытался объяснить ему, что так поступать нехорошо. Он возражал. Говорил, что нехорошо подчинять себя кому-либо и подчинять себе кого-либо. Словом, мы уже знали, что нужно ехать дальше. К нашему удивлению, если не сказать к нашей радости, Соро Ханзадян поддержал решение Сарояна. И поступил мудро. Он сказал: «В Горис нельзя въехать с плохим настроением». Я спросил: «А в Кафан?» Он ответил: «До Кафана еще есть время, что-нибудь придумаем».

Но я решил «придумать» не в дороге. Вновь взялся за телефон. Однако не хочу повторяться. Оказалось, своим предложением оскорбляю кафанцев. Они, правда, ждали нас завтра, но раз нужно сегодня, значит, нужно.

КИЛОМЕТРОВ за двадцать нас остановили. Вереница машин в сопровождении ГАИ. Все было. И улыбки, и четкие команды Рафаэля Минасяна — нашего радушного хозяина. И добрые глаза кафанцев. Все, кроме желанного чая. Не было чая и в самом Кафане, когда, устроившись в гостинице с горячей водой, мы сидели за столом. «Громко разговаривали и аппетитно ели, как это не раз бывало, только хозяева. Прошел час, а чая все еще нет. Я поднял шум. И обратил внимание, как удивлялись и недоумевали официанты и повара, прибежавшие на шум. Они явно не понимали нас. Что, собственно, случилось? Дескать, мы и так трудимся в поте лица. Стараемся. Делаем все, чтобы угодить. Посмотрите, какие отменные блюда. Какой вообще сервис. Мы даже официанта нашли, который владеет английским. А тут вдруг из-за какого-то трехкопеечного чая такой ажиотаж. Так много шума из ничего».

Наконец подали чай. Надо отдать должное кафанцам: чай был отличный. Сароян пил жадно, едва касаясь губами горячего стекла. Он выпил подряд три стакана. И ожил на глазах. Порозовели щеки. Появился блеск в хмурых глазах. Он стал шутить. Перекинулся несколькими словами с официантом, владеющим английским языком. Потом, улыбаясь, предложил ему говорить только на армянском. Так понятнее. Взял рюмку с «Наири» и произнес тост за Соро Ханзадяна.

Он залпом осушил рюмку до дна. Протер белой салфеткой белые, как снег, усы. Вещ какой-то бодрый и живой, повернулся ко мне, подмигнул, громко произнес: «Ну проблем!» — и заразительно расхохотался.

Зорий БАЛАЯН

Чай

Об одном обыкновенном путешествии
и удивительных приключениях,
которые встретились в пути

воду из чайника, оставив стаканы на два. На что мне ответили: «Не беспокойтесь, подадим шашлык, а потом хашламу, поедите, а к тому времени чай будет готов». Когда я вошел в шумную комнату, где проносился очередной гость, Сароян понял по всему моему виду, что «проблема есть». Он подмигнул мне. Улыбнулся. Дал понять: не переживай, то, что сейчас нет чая, — еще не самое страшное на грешной земле.

До Джермука ехать каких-нибудь полтора часа. Сароян то и дело разворачивал карту и вглядывался в наш маршрут. После обильного стола уже не так хотелось болтать, как раньше. Но все же разговор не затухал. Как-никак четыре пассажира да еще шофер. Каждый скажет по фразе — уже беседа. По дороге мы остановились у входного портала тоннеля Арпа—Севан. Показали гостю то самое место, которое скоро станет дном Кечутского водохранилища. Кто-то заметил, что к нам приближается вереница машин. Соро Ханзадян сказал: «Это местное начальство. Видать, беспокоятся, что опаздываем». Так оно и было. Местное начальство. Среди них был председатель горисполкома Джермука Завен Вартамян. Я его знал давно. Пока знакомился, пока суд да дело, я схватил за рукав Вартамяна и отвел в сторону: «Попрошу тебя, слушай меня внимательно. Как только приедем в город, организуй чай». Бог мой, что тут было! Оказалось, я своим предложением просто-напросто оскорбил самих Джермуковцев, известных всему миру своим редкостным гостеприимством. Председатель так и сказал: «Не о чем беспокоиться. И вообще знай: вы в Джермуке, а не где-нибудь там...» Он, правда, так и не сказал, где именно «там».

Сели за очень широкий овальный стол. Он был накрыт со знанием дела. Не было только... чая. В основном ели хозяева. В отличие от нас они были страшно голодны. Говорили длинные речи. Приводили цифры, иллюстрирующие экономические успехи края. Гость, ради которого, собственно, все это было организовано, уже не только не ел, он не был в состоянии слушать. Ему явно было плохо. Семьдесят лет. Как-то заговорили о болезнях, и Сароян, зная, что я врач, стал расспрашивать о симптомах желудочно-кишечных заболеваний. На мой вопрос, не болеет ли он сам, Сароян ответил: «У нас в Битлисе просто запрещается выставлять на вид собственные болячки. Так что я по-молчу. Могу лишь сказать: я здоров, как бык, и дряхл, как развалина».

Я не вытерпел. Вышел на кухню. Но меня остановили. Вернули назад, сопровождая приговорами: «Ай, ай, ай! Да разве так можно! Ай, ай, ай! Разве можно гостю беспокоиться! Это же Джермук. Все будет! И чай будет! И кофе будет! Мы еще хашламу не подали. У нас ведь еще есть сюрприз. Ай, ай, ай!!!»

Соро Ханзадян, знаменитому поэту Ваагну Давтяну и всем нам хотелось всего лишь стакан хорошо заваренного чаю. А речи тем временем текли и текли. И вот в то самое время, когда по всем законам природы стресса должен был произойти взрыв, шок, в зал вошел небритый детина и громко спросил: «Чай или кофе?» Все замерли. Соро Ханзадян, не поднимая головы, процедил: «И пива тоже!»

Когда мы уже выходили из зала, на встречу несли на подносах чашечки и стаканы в подстаканниках. Я обратил внимание, что кофе был густым и черным, как смоль. Чай же был светлым, прозрачным. Перед тем как отправиться в дорогу, я решил позвонить в Горис. И пока гостей знакомили с достопримечательностями Джермука, я ждал у телефона. Наконец послышался протяжный междугородный звонок. К счастью, трубку взял человек, от которого многое зависит в районе. Арам Арутюнян. Я обрадовался. Теперь, думаю, действительно «ноу проблем». И я говорил в трубку бодрым, радостным голосом. Просил, чтобы к нашему приезду «организовали чай». Чай, и больше ничего. Бывает же стол, на котором стоят красивые фарфоровые чашки с ароматным чаем. Сахар, конфеты, десерт. Это же так здорово и так просто! Арам Арутюнян слушал меня, как я чувствовал, невнимательно. Он часто перебивал и задавал совсем не те вопросы. Например: «Что он больше любит пить — тутовую или кизилую?» На этот вопрос я, помнится, ответил: «Чай». И сразу почувствовал, что на другом конце провода на меня обиделись: «Да за кого ты в конце концов нас принимаешь? Какой еще чай?! Будет тебе цистерна чая». Но я не успел сказать, что цистерна нам не нужна. Все-го по стакану чаю. Послышались гудки.

Мы спешили в Горис. По серпантину го взбирались на вершину перевала, то спускались в долину. Моросил дождь. «Дворники» ритмично чистили ветровое стекло машины. Временами, особенно на самом перевале, нас окутывал густой туман, который рассеивался при спуске. Настроение было подавленное. Пытались шутить — ничего не выходило. Как бы наш гость ни старался скрыть свой недуг — ничего не выходило. Он улыбнулся. Но я заметил, что ему не по себе. Я признался, что позвонил в Горис и что нам обещали цистерну чая. Сароян смеялся. И сказал, что своей рукой напишет на цистерне: «Ну проблем».

ЗА ОЧЕРЕДНЫМ поворотом показались легковые машины, бессистемно разбросанные у дороги, словно костяшки domino на столе. Расстояние между нами и машинами сокращалось с каждым мигом. Несмотря на моросящий дождь и дымку, мы увидели спящих